

УДК 821.054.7
DOI 10.17223/18137083/60/7

Е. Е. Завьялова

Астраханский государственный университет

Поэтика отражений в романе Ф. Н. Горенштейна «Попутчики»

Раскрываются особенности поэтики романа «Попутчики», созданного писателем русского зарубежья Фридрихом Наумовичем Горенштейном (1932–2002). Выдвигается концепция, согласно которой ведущим смысло- и структурообразующим принципом в произведении является отражение. Очерчивается интертекстуальное поле романа, перечисляются используемые Ф. Н. Горенштейном литературные «матрицы». Доказывается, что большое количество аллюзий и реминисценций в «Попутчиках» отсылает к творчеству Н. В. Гоголя. Ведется речь о глубине и противоречивости центральных образов, о сложной нарративной системе и изощренной стилистической игре, которую порождает сплетение голосов повествователей. Подчеркивается важность оппозиций действительность / вымысел, реальность / текст, жизнь / театр, а также особая роль алиментарного кода. Делается вывод о том, что Ф. Н. Горенштейн дублирует события, рифмует поступки и портреты, в результате чего жизнь представляется чредой отблесков и превращений.

Ключевые слова: Ф. Н. Горенштейн, поэтика, отражение, повтор, дублет, двойничество, нарратор, интертекстуальность, алиментарные мотивы.

Роман Ф. Н. Горенштейна «Попутчики» (1983, 1985) достаточно объемён – около восьми печатных листов. Лексема «отражение» («отражается») встречается в нём всего дважды, плюс три раза упоминается зеркальное купе и два – разбитое зеркало; в одном из сравнений фигурирует образ смотрящегося в зеркало человека. Однако принципам повтора, реверберации в произведении отводится значимое место. Целью данной работы стало выявление их функций и способов семантической репрезентации.

Интертекстуальное поле романа

Прозу Ф. Н. Горенштейна называют литературоцентричной. Писателем переосмысливаются классические сюжеты, приемы, формы наррации, используются различные типы интертекстуальности.

Завьялова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета (ул. Татищева, 20а, Астрахань, 414056, Россия; zavyalovaelena@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3
© Е. Е. Завьялова, 2017

Положенная в основу повествования тема вагонных откровений весьма популярна в искусстве. «Дом на колесах» сближает незнакомых людей, они оказываются вынужденными определенное (порой – достаточно продолжительное) время находиться в зоне жизненного пространства друг друга. Попутчики часто вступают в разговоры без околичностей – уверенные, что больше никогда не встретятся. Описание такой ситуации в художественном тексте, с одной стороны, позволяет реалистически обосновать наличие обширных диалогов, чрезмерную открытость персонажей, с другой – привносит подтекст: образы дороги, пути, стремительного движущегося состава традиционно наделяются символическим смыслом. Разговор в поезде является важным элементом таких произведений, как «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Загадочная натура» А. П. Чехова, «Андрей Кожухов» С. М. Степняка-Кравчинского, «Крейцера соната» Л. Н. Толстого, «Без языка» В. Г. Короленко, «Чаша жизни» И. А. Бунина, «В телячьем вагоне» М. М. Пришвина, «Бронепоезд 14-69» В. В. Иванова, «По ту сторону» В. П. Кина, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, «Звездный билет» В. П. Аксёнова, «Деньги для Марии» В. Г. Распутина, «Медик Володя» В. М. Шукшина, «И дольше века длится день» Ч. Т. Айтматова и многих других.

Параллельно Ф. Н. Горенштейн использует еще одну популярную литературную «матрицу» – жанр путевых заметок. Ряд фрагментов романа связан с названиями населенных пунктов, мимо которых проезжают герои «Попутчиков». Обращение к такой форме обеспечивает наличие дополнительных интертекстуальных связей – от «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева до поэмы В. В. Ерофеева «Москва – Петушки».

Произведения Ф. Н. Горенштейна всегда отличает широта проблематики, и «Попутчики» не являются исключением: писатель затрагивает вопросы исторического, социально-политического, философского, морально-этического, эстетического характера. Литературная рефлексия обуславливает обилие фамилий писателей: У. Шекспир, Ф. Шиллер, Д. Байрон, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, К. Гамсун, М. Горький, И. А. Бунин, Л. Украинка, И. А. Кочерга, Б. Л. Пастернак, В. В. Маяковский, В. Н. Сосюра, В. М. Киршон и др. Любопытно, что «родовые имена» некоторых персонажей романа похожи на фамилии известных литераторов (Забродский, Салтыков, Чех, Пастернаков, Гладкий).

Безусловный приоритет отдается Н. В. Гоголю, упоминаемому на страницах произведения семнадцать раз. По всей вероятности, данный факт связан с тем, что основная часть событий, описываемых в «Попутчиках», происходит на территории Украины, а пальма первенства в развитии малоросской темы принадлежит автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Кроме того, ближе к концу романа выясняется, что главный рассказчик Феликс Забродский, создавший обрамляющую часть текста, – профессиональный сатирик и ему, по сей вероятности, духовно близок этот классик. Помимо прямых отсылок к творчеству писателя («путал Гоголя с Достоевским» [Горенштейн, 1989, с. 248]¹, «Пушкин очень русский, из гоголевской статьи» (с. 313), «встревожила меня так же, как книга Гоголя» (с. 238), «посмеиваются абсолютно по гоголевскому определению: сами над собой» (с. 272), «феерической фантазией, которая совершенно по-гоголевски иногда переходит в обыкновенное вранье» (с. 359) и т. п.), в «Попутчиках» много аллюзий на его произведения. У просвещенного читателя, лично не знакомого с реалиями украинской действительности, при упоминании о неторопливой поездке на волах («Цоб-цобе», с. 210) возникает в памяти «флегматический» селянин из «Гетьмана» («Цоб, цоб, цобе! гей!» [Гоголь, 1938, с. 317–318]). Сравнение главного редактора с «неразумным дитятей» (с. 213) перекликается

¹ Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте в круглых скобках.

со сходным из «Пропавшей грамоты» («Заплакал бедняга [дед Фомы Григорьевича], глядя на них, что дитя неразумное» [Гоголь, 1940, с. 190]). Перечисление угощений в «кулацкой» хате Гуменюка (сахарный самогон, «великое» (с. 358) сало, вареники с вишнями) воспринимается как реминисценция на алиментарный код Н. В. Гоголя.

Связь кулинарных экскурсов из романа «Попутчики» с гоголевскими описаниями «заветнейших яств» обозначила М. Полянская [2003]. В одном из фрагментов Ф. Н. Горенштейн сам наводит читателя на такое сравнение, соотнося искусство кулинарии с сочинительским талантом: «Попробуйте сала, созданного этими руками, и вам в хмельном приступе благодарности захочется эти сухие руки старой украинки поцеловать, как хочется иногда поцеловать руки Толстого или Гоголя, читая наиболее удачные страницы, ими созданные. Писатель ведь пишет двумя руками, гусиное перо или самописка, конечно, в одной, но обе одинаково напряжены, как у старой Гуменючки при ее великом салосолении» (с. 357).

В ряде случаев «пищевые» образы «Попутчиков», используемые в качестве объектов сравнения, как у Н. В. Гоголя, девальвируют сравниваемое. Известный украинский литературный критик Шлопак от горилки становится красным, «как хороший чесночный борщ» (с. 213); молодежь бурлит, словно вареву: «Нас подогрели, а мы кипели, как пшеничная каша без молока и жиров. Постная водяная пшеничная каша особенно сильно клокочет» (с. 230). С гоголевскими можно соотнести также чрезмерно развернутые сравнения Ф. Н. Горенштейна. См., например, описание центрального героя «Попутчиков» Олесь (Александра) Чубинца: «...возникло лицо утонченное, какое обычно бывает у вырожденцев, отступников, лишенных своего и не обретших чужого. Такие лица, вернее мордочки, бывают у воспитанных в неволе лесных зверьков, которые в домашних условиях не могут обрести уверенности кошки или собаки, однако которым в родном лесу еще хуже. Но как раз в этом и состоит их неразумная духовность, и, мне кажется, всякому сердечному человеку хочется посадить такое растерявшееся существо себе за пазуху и отогреть вопреки предупреждениям зоологов и ветеринаров о бесполезности или опасной вредности такой доброты» (с. 225). Выделяя подобные конструкции у Н. В. Гоголя, А. Белый соотносит их с паузами, которые дают отдых вниманию: «...они подобны внезапному, бурному развитию аккомпанемента, во время которого голос молчит, чтобы вновь вступить» [Белый, 1934, с. 277]. В данном случае замечание еще и проецирует ход развития дальнейших событий. Заметим, что развернутые сравнения часто встречаются и в других произведениях Ф. Н. Горенштейна.

Признание Забродского «Люблю я украинские песни...» (с. 214) коррелирует с гоголевским «лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи» («О малороссийских песнях») [Гоголь, 1952, с. 90]. Нарисованный его же глазами пейзаж похож на знаменитую картину из «Майской ночи». Ср.: «было очень месяцачно» (с. 248) – «С середины неба глядит месяц» [Гоголь, 1940, с. 159]; «Блестели рельсы, блестели какие-то предметы среди насыпи, блестели крыши тех хат побогаче, которые крыты были не соломой, а цинковым листом, иногда поблескивала вода, то в озерце, то в речушке» (с. 259) – «Земля вся в серебряном свете... Тихи и покойны эти пруды... Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены» [Гоголь, 1940, с. 159]; «ночь... покойна» (с. 259) – «покойны... пруды» [Гоголь, 1940, с. 159].

Гоголевские мотивы содержатся и в фабуле «Попутчиков». По приказу фашистов Олесь Чубинец отвозит предназначенную для свиней еду на кирпичный завод: здесь за двумя рядами колючей проволоки ждут решения своей участи местные евреи (с. 261–262). Обезумившие от голода люди налету ловят гнилые овощи, грызут их, вырывают друг у друга. Приехавши в импровизированный концлагерь во второй раз, Олесь по репликам полица понимает, что в ближайшее время за-

ключенных уничтожат. Во время разгрузки «пищи» юноша случайно встречается взглядом с одной из узниц – и застывает на месте. «Немецкий хозяин-победитель мне, славянину, еще разрешал жить для использования на черной работе в сельском хозяйстве. Ей, еврейке, уже жить не разрешалось. И молодая красавица знала это, стоя неподвижно за колючей проволокой, не пытаясь схватить, как остальные, свеклу или картошку» (с. 262), – рассказывает Чубинец. Он решается передать девушке свой хлеб – немец-охранник не препятствует. Еврейка берет из рук работника еду, тот чувствует ее холодные пальцы. Они успевают перебраться парой фраз. Выясняется, что ее зовут Лена и что она из Ленинграда.

Эту сцену можно сопоставить с эпизодом из «Тараса Бульбы»: Андрий, как герой «Попутчиков», приносит голодающей девушке хлеб (та ломает ломоть «блистающими пальцами» [Гоголь, 1937, с. 102]), как Олесь к еврейке, испытывает к полячке глубокое уважение, восхищается стойкостью, с которой та переносит страдания, и в первый момент окаменеет от ее строгой пронзительной красоты. Ср.: «Поднял голову [Олесь] и застыл. Как сохранила эта молодая женщина здесь, в поносном воздухе, среди вывороченной наружу утробы, такое лицо, такие волнующие серые глаза?» (с. 262) – «стал [Андрий] неподвижен перед нею» [Гоголь, 1937, с. 101]; «неравенство сохранилось между нами по-прежнему» (с. 262) – «И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь» [Гоголь, 1937, с. 101]; «Стоим друг против друга, она с одной стороны проволоки, я с другой, и плачем, будто знакомы давно и любим давно, а теперь приходится расставаться навек» (с. 265–266) – «Красавица... возвела очи на Андрия, – и много было в очах тех. Сей умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие чувства, был более доступен Андрию, чем все речи» [Гоголь, 1937, с. 102].

Прямые отсылки к гоголевской поэме – это упоминание о «сверкающей зеркальными купе сталинской птице-“двойке”» (с. 210), предположение о пребывании в Бердичеве Чичикова: «оставил здесь потомство от какой-нибудь красавицы-шинкарки – потомство со временем преобразившееся в Чичильницких» (с. 349–350). Знаменательно рассуждение об упокоении Павла Ивановича, интонационно близкое к декламационно-патетическим периодам «Мертвых душ»: «Может покоится Чичиков под мраморным розовым крестом, утешенный и обласканный мраморным розовым ангелом в изголовье могильной плиты? Или спит под чудесным памятником черного с синим отливом камня лабродорита, на котором золотом вырезано его имя, отчество, фамилия, дата рождения и дата смерти, почти совпадающие с рождением и смертью самого Николая Васильевича Гоголя – жаль, так и не посетившего Бердичев, а отправившегося в свое тяжелое, печальное путешествие в Иерусалим» (с. 350).

Библиотекарь Салтыков заставляет Олеся Чубинца уничтожить неудачную, на взгляд старичка, пьесу: «Сожгите эту пакость сами... имейте мужество сжечь свои пакости, имейте гоголевское мужество» (с. 288). Феликс Забродский, размышляя о феномене взаимозависимости рассказчика и слушателя, называет это «ужасной гоголевской болезнью» (с. 303): «Вот почему в те редкие моменты, когда клапан экспериментатора отделяет наши сознания, мы стараемся по-гоголевски сжечь чужака или хотя бы освежить себя циничным смехом» (Там же). Тема двойкости в романе заслуживает пристального внимания.

Двойственность образов и мотив двойничества

И. В. Кондаков заметил, что ни один из значительных персонажей Горенштейна «не предстает однозначным или одномерным» [Кондаков, 2000, с. 199]. Эту мысль подтверждает система образов в «Попутчиках».

Однорукий красноармеец Григорий, земляк и однофамилец Чубинца, ночью в лесу пытается зарезать Олеся («Все, – говорит, – поел ты вдоволь чужачьей

говядинки, людских котлеток, теперь ложись на проволоку, как наши товарищи под Перекопом, чтоб задние, атакующие могли победу одержать», с. 223). Четырнадцатилетнему подростку удается сбежать, оглушив инвалида палкой. Наутро, отыскав Олеся в цементной яме, Григорий объясняет ему правила ударной комбинации («Надо было не в лоб, а в переносицу. Потом, уже лежачего меня, не по твердому черепу, а в мягкий висок, здесь, возле уха», с. 228), вслед за чем отправляет в город к своему однополчанину. Фактически он спасает вовлеченного в страшное предприятие парнишку от расстрела.

Лишениц Салтыков, заведующий читальным залом, по-отечески заботится об Олеся, выхаживает после болезни, открывает ему шедевры классики, на какое-то время становится духовным наставником юноши. При этом старичок оказывается ярким антисемитом, радуется приходу фашистов, которые, по его мнению, должны избавить Россию «от иудо-коммунистического ярма» (с. 247), ликует, наблюдая расправы над «жидами». Симптоматично, что и Григорий, и Салтыков заканчивают жизнь самоубийством: первый вешается «на ветке старого дуба» (с. 228) в том самом лесочке, второй травится на городском кладбище.

Центральный герой романа Олеся Чубинец (в «Попутчиках» главным героем (по нарративному статусу) оказывается один повествователь, а центральным (по степени вовлеченности в действие) – другой) наделен рядом черт, характерных для агиографической традиции. Он самый слабый, «никудышный» (с. 218) в семье крестьян-плугарей. В пять лет мальчик охромевает (отсюда прозвище «Рубль двадцать»). Все издеваются над калекой со впалой грудью, даже «злые братья и сестры» (с. 232), мать безразлична, отец жесток, лишь прабабка Текля жалеет ребенка. Олеся мечтателен, чувствителен к красоте, любит «зверюшей» (с. 268), которых ненавидят его односельчане: нетопырей, мышей, лягушек. Сбежав из дома, мальчик долгое время живет подаяниями. Во взрослом возрасте, отбывая срок в Заполярье, Чубинец находит спасение «от лагерного озверения и оскотинивания» (с. 328) в разведении на окнах дрожжевого цеха цветов и овощей. После освобождения, верный увлечению драматическим искусством, возвращается на должность младшего администратора, смиряется с приниженностью, неустроенностью, безденежьем. Забродский описывает несуразный вид собеседника: мятые брюки, имеющие «какое-то жалкое подобие джинсов», «унылые пуговицы» (с. 224), «дурно выбритые щеки» (с. 225). И позднее резюмирует: «Чубинец... при дневном освещении вполне мог сойти за местного юродивого, просящего милостыню в поездах» (с. 373–374).

Однако поведение Олеся далеко не всегда соотносимо с практикой аскетического самоуничтожения. В детстве, не выдержав насмешек, он совершает почти каиновский поступок: бросив камень, сильно разбивает старшему брату голову. Отстав от поезда, рассерженный Чубинец трижды пытается ударить своей палкой работников казатинского вокзала: «женщину-кассира, потом дежурного по вокзалу, а потом станционного милиционера» (с. 341). На перроне в Парипсах Олеся грубо отгоняет вора-ремонтника, за что получает от него тычок в лицо. Реакция калеки на купленные Забродским у мускулистого обидчика извинения неожиданна: «Я думал, Чубинец воспримет все по-христиански, а он вдруг озверел и ударил слесаря, которого я держал за руку, палкой. Еще хорошо, что по плечу попал, а не по мешку, где было, как оказалось, двадцать фар. Обошлось бы это мне в копеечку, кошелек бы мой вдвое похудел. Так же я отделялся дополнительной десяткой» (с. 274). Противоречивость натуры Олеся отражена в хлесткой характеристике, данной ему собеседником: «помесь украинского Байрона и цыганского барона, хромого лирика с опереточными идеями и деяниями» (с. 236).

Сложность образа центрального персонажа раскрывается не только с помощью обрисовки странной внешности, введения разнородных психологических характеристик, перечисления непоследовательных поступков. Показательна речь

литератора-любителя, в которой сочетаются полярные стилистические пласты лексики. См., например: «И в такой момент гонения на культуру моя пьеса “Рубль двадцать” попадает на стол к бургомистру» (с. 286); «О чем я тогда мечтал, так это птичку убить. Мне один хлопец рассказывал, как он камнем убил в кустах жирную птичку – зяблика. Ощипал, палку в с...ку этому зяблику всунул и зажарил на костре» (с. 220); «Приехал я в отпуск, принялся – родиной воняет» (с. 234).

Противоречивость своих эмоций, устремлений неоднократно отмечает Феликс Забродский (про автобиографический характер некоторых черт персонажа писал Г. Никифорович [2013]). Склонный к рефлексии («гамлетизму», по собственному определению), герой признается: «...днем я весел и остроумен, но ночами мне спится плохо, нервы мои наэлектризованы, разнообразные болезни со всех сторон осадили меня, интеллигентного мещанина, и, может быть даже, я скоро умру» (с. 361). В характере главного повествователя уживаются скромность и высокомерие, сентиментальность и ироничность, задушевность и цинизм.

Забродский прямо и косвенно подчеркивает, что они с Чубинцом абсолютно разные люди. Педальирование несоответствий помогает раскрыть кардинальный тезис – о сотворчестве рассказчика и слушателя. Уже в первой главе романа содержится мысль об их единстве: «Люди разделены и человек безлик, когда у него нет Слушателя. И всегда Слушатель должен объяснить Рассказчику, кто он есть в самом деле и чем он отличается от других. Объяснить не словом, а божьим вниманием, которое само по себе есть высшее и не всем доступное творчество» (с. 205–206). По сути, речь ведется о столь популярной в наше время проблеме вторичности авторского текста, самостоятельной роли реципиента в процессе выстраивания смысла.

В пятой главе Забродский развивает эту тему, подробнее останавливаясь на идее нераздельности-неслиянности, приобретающей в его устах теургический характер: «Где кончается душа Рассказчика и начинается душа Слушателя? В живом творении, в живом творчестве стучит единое сердце и трепещет единая душа. Потому я не буду в угоду литературным правдолюбцам отделять себя от человека, который еще недавно, еще на участке между Ставищем и Богуйками путал Гоголя с Достоевским. Кто важнее – добытчик алмаза или ювелир, огранщик? Праздный вопрос» (с. 248). В девятой главе Забродский рисует фантазмагорический образ: «...мы с Чубинцом сейчас, как двухголовая собака с общим кровообращением, создание безжалостных хирургов-экспериментаторов. Нам одновременно хочется есть и пить, нас тревожат одни желания, и в глаза друг другу мы смотрим, как в зеркало: внешнее изображение разное, кудлатое и гладкомордое, зато внутреннее совпадает. И так длится до того момента, пока экспериментатор не переключит клапан, отделяя тем наши сознания одно от другого» (с. 302–303). Чувства и мысли Олеся оказываются проекцией субъективных переживаний Феликса. Так утверждается концепция отражений, совпадений – важнейшая в «Попутчиках».

Чубинец становится свидетелем самых трагических событий XX в.: коллективизации, голодомора, фашистской оккупации, холокоста, антикосмополитической кампании. И все это описывается через призму восприятия героя, слабо разбирающегося в тонкостях политики, поглощенного своими, личными переживаниями. Об этом красноречиво свидетельствует первая – ударная – фраза романа: «Двадцать второе июня сорок первого года – самый черный день в моей жизни. В этот день, в пятом часу утра вернувшись из поездки, я обнаружил в почтовом ящике принесенный почтальоном накануне отказ одного из московских театров принять к постановке мою пьесу “Рубль двадцать”» (с. 203). См. еще один пример: «Вокруг оккупированный город, военная нищета, выстрелы на ночных окраинах, а у меня счастливая пора, долгожданные репетиции моей пьесы» (с. 292). Внешняя отчужденность от происходящих на глазах Олеся событий дает

читателю возможность проникнуться настроениями эпохи как бы исподволь. Такова индивидуальная правда истории.

Используя особенность мемуарного повествования, Ф. Н. Горенштейн обозначает дистанцию между умудренным опытом я-рассказчиком и неискушенным я-героем. Изощренная стилистическая игра возникает из сплетения голосов профессионального литератора-«демиурга» Забродского, пожилого графомана Чубинца и его юного «двойника» Олесь. Эффект усиливают попутные замечания «Теперь, я, конечно, понимаю... Однако тогда я был молод...» (с. 292); «Однако пора возвращаться к косноязычию Чубинца, которого я, Забродский, уж слишком далеко отодвинул» (с. 283); «Пастернаков умолк, точнее, Чубинец замолчал. Молчал и я, его Слушатель, по фамилии, напоминаю, Забродский» (с. 259) и т. п.

Система повторов в романе

Итак, наррация в «Попутчиках» строится на двух оппозициях: «реальный» диалог собеседников в поезде (Забродский/Чубинец) и воображаемый диалог сквозь время, в ходе которого Олесь оценивает свои прежние поступки. Указанная структура осложняется парными образами, возникающими в самом повествовании.

Общение с почтовым работником Здолбунова заставляет Забродского вспомнить первый опыт знакомства с редактором: «Да, это она. Не та, конечно, но ее оттиск. Оттиск редакторши, которая давным-давно лишила меня девственности» (с. 378). О красноармейце Григории и лишенце Салтыкове, что покончили жизнь самоубийством, говорилось выше. И даже у собаки солдата, охранявшего на перроне арестантов, появляется двойник – овчарка фашиста, конвоировавшего советских пленных. «Если вы помните, я рассказывал, как на меня бросилась красноармейская собака, но ту держали на поводке. Этой же дали полную власть надо мной...» (с. 294) – уточняет Олесь.

Идеалом женщины для Чубинца становится артистка, жена татарина – главного режиссера московской труппы, приехавшей в провинцию на гастроли. Юноша начинает искать кого-то похожего на нее, чтобы полюбить, и находит – «очень отдаленное, очень приблизительное, но все же подобное» (с. 240). Изящная незнакомка с поезда дальнего следования, остановившегося на станции на несколько минут, делается для Олесь музой. И возчик с пивзавода создает пьесу «Рубль двадцать» – о любви хромого к молодой красавице.

Любовью, длившейся не больше пяти минут, называет Чубинец свою встречу с еврейкой Леной. «Чем-то она напоминала жену татарина, чем-то – пассажирку симферопольского поезда, то есть тех женщин, которые в обычной жизни были мне, крестьянскому парню-калеке, недоступны» (с. 262), – рассказывает Олесь. При общении с московской актрисой он сумел осознать причину своей невольной внутренней обиды: женщина оказалась «живая, пахнущая духами, а не какая-нибудь вечная статуя без запаха» (с. 239). Теперь девушка, неподвижно стоящая за колючей проволокой, слишком похожа на изваяние, ее пальцы холодны, «как у гипсовой статуи зимой в парке» (с. 265).

Молодой драматург из крестьян мечтает о славе. Но московский театр отвергает его сочинение. По совету Салтыкова Чубинец переделывает «Рубль двадцать», чтобы при новом режиме поставить пьесу на периферии. Однако репетиции прекращаются. Состоявшейся премьерой Олесь называет свою мимолетную связь с ведущей актрисой Романовой «прекрасным... единственным спектаклем “Рубль двадцать”, в котором она играла и в котором... Чубинец, сам сыграл свою роль влюбленного хромого» (с. 299). Так – травестированно – Ф. Н. Горенштейн представляет романтическую идею о Художнике, создающем новую реальность. Как было указано выше, большинство произведений писателя литературоцен-

тричны, оппозиции действительность / вымысел, реальность / текст, жизнь / театр обретают в «Попутчиках» концептуальную значимость. Не случайно в ответ на исповедь Олесея в романе дважды звучат «звонкие аплодисменты буфетов» (с. 234, 299).

Примечательно, что в сцене интимной близости тоже содержится отсылка к давним переживаниям героя: испытываемое юношей ощущение дикой, восторженной силы сравнивается со сходным, тем, что овладело Олесем во время голода, когда он страстно захотел «убить и сожрать птичку» (с. 297). Далее повествование ведется на двух уровнях, в реальном и метаморфическом времени: «Легкие женские трусики красавицы Романовой вдруг показались мне птичкой, а кружева – перьями. Я метнулся вперед, поймал на гладких бедрах, но не снял их, а убил, то есть разорвал» (Там же).

О других дублетах в романе Ф. Н. Горенштейна. Насильственно вывозимых в Германию жителей (в том числе и Чубинца) кормят той же едой, что незадолго до этого Олесю пришлось доставлять в гетто: «похлебка из гнилого буряка и полусырой мерзлой картошки, подобных тем овощам, которые я евреям возил» (с. 206). За то, что Чубинец пытается передать незнакомому пленному свои деньги, немец ударяет его по лицу нагайкой, сильно разбивает губы. После освобождения города советскими войсками Олесю предъявляют обвинение в «украинском национализме» (за работу у оккупантов), теперь по губам его линейкой бьет следователь; раны от немецкой плетки еще гноятся – и «крестьянский драматург» едва не теряет сознание. При въезде в гетто Чубинец чувствует ужасный запах и сразу вспоминает коллективизацию, «когда один человек умирал на глазах у другого так же просто, как в обычное время он на глазах у другого жил» (с. 256); юноша узнает «непередаваемую вонь черного поноса с кровью, а также розоватой кишечной рвоты-слизи» (Там же). И самая страшная параллель: запах горелого мяса, исходящий от жареной человечины, которую успешно продают на станции Сквир в голодомор, – и от тлеющих трупов евреев, неумело сожженных нацистами в начале войны в Одессе. Функция этих повторов очевидна: по мнению писателя, сущность всех тоталитарных режимов одина, а их последствия всегда зловещи.

Ф. Н. Горенштейн нередко обращается к алиментарным мотивам. По справедливому замечанию Ю. В. Бельской, «образы еды, гастрономические акты, подробное описание процесса приготовления пищи занимают заметное место в произведениях писателя» [Бельская, 2011, с. 253]. На наш взгляд, в «Попутчиках» указанный прием необходимо отметить отдельно.

Социальные катастрофы в Советском государстве первой половины XX в. несли за собой болезни и голод. Персонажи «Попутчиков» часто сосредоточены на еде – подчас недоступной для них роскоши. Пища характеризует героев, выполняя символическую функцию (см., например, «райский» портрет пассажирки с симферопольского поезда с кистью розового винограда в руке или «настоящие московские шпроты» (с. 296) в гримерке Романовой). Гастрономические пристрастия позволяют судить о вероисповедании, национальности: обычное сало, например, можно есть «по-польски – с луком-цыбулькой или по-венгерски – с перцем, а не с чесноком» (с. 364). Актриса Лёля признается: «...отвратительно лежать в постели с теми, от которых пахнет не по-русски сладко и гадко – ликерами и шоколадом...» (с. 296); ей хочется «вновь почувствовать настоящий запах изо рта русского мужчины... Поцелуй с водкой, с лучком и селедкой» (Там же).

Как было указано выше, история про красноармейца, наладившего в голодомор артель по производству котлет из человечины, обилием натуралистических деталей предвещает ужасающие картины фашистской оккупации: «Все мясо, которым Григорий Чубинец торговал, в штыковой атаке добыто, а уж позднее, в подвале своего дома, в Сквире, начинал с ним опытный мясник работать, свежее-

вать, разделявать; кости в одну сторону, мякоть в другую, голову, потроха в третью сторону. Потом жена его, повариха, мякоть через мясорубку пропускала, с чесночком» (с. 223–224). М. Полянская замечает: «Предмет, которым убивают в романах Горенштейна – особая тема. У персонажей-убийц, как правило, “непритязательные”, “скромные”, одомашненные даже, орудия убийства и насилия, отмеченные печатью личного, интимного данного конкретного убийцы» [Полянская, 2003]. «Скромнен», «непритязателен» – хотя и не одомашнен – штык красноармейца Чубинца, приделанный к деревянной рукояти. Как непритязателен и ружейный шомпол, на котором инвалид войны умело обжаривает куски добытого мяса.

Тема каннибализма обретает мифологическое звучание, связанное с идеей «возвращения человеческого к человеку»: Забродский замечает, что сначала его собеседник спасает человечьи котлетками себе жизнь, а потом едва сам в них не превращается. В указанном контексте значим эпизод, в котором болеющий Олесь случайно кусает палец: «Так я пил, отсчитывая время, а однажды мне захотелось есть. Я взял валяющийся на столе кусок хлеба, почти сухарь, надкусил его и вдруг испытал страшную боль от собственного укуса, испытал ужас перед остротой собственных зубов и увидел текущую из хлеба кровь. Я закричал от этого ужаса, и мне показалось, что я укусил не кусок хлеба, а человечью котлету, которая была зажарена не мертвой, а раненой штыком. Я понимал, что нахожусь в бреду, но все же сумел как бы вынырнуть из этого бреда и понять, что вместе с хлебом укусил собственный палец, который кровоточил» (с. 243). Мы склонны предположить, что на символическом уровне аутофагия отражает у Ф. Н. Горенштейна ту высшую степень безумия, в которое погружается воинствующее человечество.

Схожий эффект создает упоминание об однофамильцах. С одной стороны, факт проживания в некрупных населенных пунктах большого количества людей с общей фамилией достоверен; с другой – художественно обоснован. На пост начальника новые власти рекомендовали пана Чубинца. «Но поскольку... Чубинцов более чем полдеревни, то уточнили – пана Олексу Чубинца» (с. 254). Олекс Чубинец тут же принимает «рациональное решение» (Там же) заменить советских уполномоченных немецкими надсмотрщиками и украинскими полицаями, чтобы те могли расправляться с населением – Чубинцами. Между этой историей и тем фактом, что когда-то Григорий Чубинец пытался съесть Олеся Чубинца, много общего. «Немцы, правда, пока еще человечину не ели, – рассуждает рассказчик. Вот если б Гитлер окончательно мир покорил, может, начали бы жрать» (с. 259).

В завуалированной форме каннибалистические мотивы присутствуют и в других эпизодах «Попутчиков». На суде заседатель обвиняет Олеся в том, что он не мог дать достойный отпор фашистам и согласился на них работать, вместо того чтобы вцепиться захватчиком в горло.

«– Руки у меня слабые, – говорю, – хрящ не передавлю.

– Тогда зубами в горло.

– А я брезгливый, – говорю, – чужое горло в свой рот взять не могу» (с. 326).

Гнилые овощи, предназначенные поначалу свиньям, отвозят евреям; немцы презрительно наблюдают за процедурой «кормежки» и не скупаются на ругательства («юдише швайн», с. 256). Еще недавно Олесь рассуждал о прихотливости своей судьбы: «Если, думаю, не стал я из-за болезни крестьянским сыном, как оно было задумано моими родителями, то, может, лучше бы мне обрести судьбу крестьянской скотины. Провернули бы мое молодое мясо через мясорубку, заправили б чесночком – и стал бы я хотя бы полезной пищей» (с. 224). Схожая параллель проводится им по отношению к узникам: «Видно, пообвыкли к своему положению и приспособились к животному образу жизни. А животное, особенно в нево-

ле, ведь не чувствует, когда его зарежут. Оно чувствует голод и ждет, когда его покормят» (с. 262).

Даже аплодисменты наделяются в произведении эпитетом «мясные» (с. 234). А в конце «Попутчиков», когда Олесь навсегда теряется в толпе на автобусной остановке, Забродский прибегает к развернутой алиментарной метафоре: «...хорошо это, или плохо, но Чубинца больше нет, и его плоть, его дух, его радости и беды готовы к потреблению. Надо лишь решить, каким способом, по какому рецепту, с каким соусом» (с. 375).

В одном из философских отступлений романа главный повествователь задумывается о природе современного зверства. «Ничтожество палачей, – рассуждает он, – невольно отражается на жертвах, не снижая, конечно, страданий, однако примешивая к смерти чувство стыда, делая смерть не только ужасным, но и внешне стыдным зрелищем» (с. 264). В «Попутчиках» жизнь представляется как череда взаимных отражений и превращений: события, поступки, лица; кающиеся и исповедующие, актеры и зрители, угнетаемые и мучители, поедаемые и поедатели... Здесь каждый несет ответственность за воцарившееся зло. Спасение одно – стремиться жить или «хотя бы умереть с раскавыченным сердцем и раскавыченной душой» (с. 381). Таков рецепт Ф. Н. Горенштейна.

Список литературы

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. 324 с.

Бельская Ю. В. «Чувство бездны»: постреалистическая картина мира в творчестве Ф. Горенштейна // *Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей: Коллективная моногр. / Под ред. Г. Г. Исаева.* Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. С. 230–262.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков. Т. 1: Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки / Ред. М. К. Клеман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 556 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 2: Миргород / Ред. В. В. Гиппиус. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 764 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3: Повести / Ред. В. Л. Комарович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8: Статьи / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 816 с.

Горенштейн Ф. Н. Искупление: Повести, рассказ. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.

Кондаков И. В. Горенштейн Ф. Н. // *Русские писатели XX века: Биогр. слов. / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев.* М.: Большая Рос. энцикл.: Рандеву-АМ, 2000. С. 199–201.

Никифорович Г. Вершина. О романе Фридриха Горенштейна «Попутчики» // *Семь искусств.* 2013. № 1(38). URL: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer1/Nikiforovich1.php> (дата обращения 29.12.2015).

Полянская М. «Я – писатель незаконный...»: Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна. Нью-Йорк: Слово/Word, 2003. 246 с. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/POLYANSKAYA_Mina/_Polyanskaya_M.html (дата обращения 29.12.2015).

E. E. Zavyalova

*Astrakhan State University
Astrakhan, Russian Federation
zavyalovaelena@mail.ru*

**The poetics of reflections
in the F. N. Gorenstein's novel «Traveling Companions»**

The paper reveals the features of the poetics of the novel «Traveling Companions», created by the Russian emigre writer Friedrich Naumovich Gorenstein (1932–2002). The author puts forward a concept according to which reflection is the main sense-making and structure-forming principle in a work.

The intertextual field of the novel is outlined; the literary «matrices» used by F. N. Gorenstein are listed. It is proved that a large number of allusions and reminiscences in «Traveling Companions» refer to the creativity of N. V. Gogol (explicit, implicit, transformed citations, plot lines, motives, favorite stylistic tricks).

The paper deals with the depth and the contradictory nature of the images in «Traveling Companions». In particular, it is noted that modesty and arrogance, sentimentality and irony, sincerity and cynicism coexist in the character of the main narrator – Felix Zabrodsky. The central character of the novel Oles Chubinets is endowed with a number of features that are typical for the hagiographic tradition, but his behavior does not always correlate with the practice of ascetic self-abasement. The complexity of the character is revealed through the delineation of strange appearance, the inclusion of heterogeneous psychological characteristics, enumeration of inconsistent actions and reproduction of writer-dilettante's speech that combines polar stylistic layers of language.

It is stated that Chubinets becomes a witness of the most tragic events of the twentieth century: collectivization, Holodomor, Nazi occupation, Holocaust, anti-cosmopolitan campaign. And all this is described through the perception of the hero, who is poorly versed in the intricacies of politics and absorbed by personal experience. Oles's external alienation from the events taking place before his eyes enables the reader to feel the mood of the epoch. The sophisticated stylistic game arises from the intertwining voices of a professional writer-«demiurge» Zabrodsky, of old scribbler Chubinets and his young «counterpart» Oles.

The importance of the oppositions «fact/fiction», «reality/text», «life/theater» is emphasized. The characterological, symbolic functions of alimentary images, the conceptuality of themes of cannibalism and autophagy are noted. The conclusion is made that F. N. Gorenstein duplicates the events and rhymes actions and portraits, resulting in life being represented as series of reflections and transformations.

Keywords: F. N. Gorenstein, poetics, reflection, repeat, doublet, duplicity, narrator, intertextuality, alimentary motives.

DOI 10.17223/18137083/60/7

References

Bel'skaya Yu. V. "Chuvstvo bezdny": postrealisticheskaya kartina mira v tvorchestve F. Gorenshyteyna ["The feeling of the abyss": post-realistic picture of the world in the work of F. Gorenstein]. In: *Khudozhestvennaya kartina mira v fol'klоре i tvorchestve russkikh pisateley: kollektivnaya monografiya* [Artistic picture of the world in folklore and the works of Russian writers: The collective monograph]. Astrakhan, Izdatel'skiy dom "Astrakhanskiy universitet", 2011, pp. 230–262.

Belyy A. *Masterstvo Gogolya* [The Mastery of Gogol]. Moscow, Leningrad, GIKhL, 1934, 324 p.

Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. T. 1: Gants Kyukhel'garten; Vechera na khutore bliz Dikan'ki* [Complete works: in 14 vols. Vol. 1: Ganz Kyuhelgarten; Evenings on a farm near Dikanka]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1940, 556 p.

Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. T. 2: Mirgorod* [Complete works: in 14 vols. Vol. 2: Mirgorod]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1937, 764 p.

Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. T. 3: Povesti* [Complete works: in 14 vols. Vol. 3: Stories]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1938, 728 p.

Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. T. 8. Stat'i* [Complete works: in 14 vols. Vol. 8: Articles]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1952, 816 p.

Gorenshteyn F. N. *Iskuplenie: Povesti, rasskaz* [Atonement: Stories, short story]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus, 2011, 416 p.

Kondakov I. V. Gorenshteyn F. N. In: Nikolaev P. A. (Ed.). *Russkie pisateli dvadtsatogo veka: biograficheskiy slovar'* [Russian writers of the twentieth century: a biographical dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Randevu-AM, 2000, pp. 199–201.

Nikiforovich G. Vershina. O romane Fridrikha Gorenshteyna "Poputchiki" [Vertex. About the novel by Friedrich Gorenstein "Traveling Companions"]. *Sem' iskusstv* [Seven Arts], 2013, no. 1(38). URL: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer1/Nikiforovich1.php> (accessed 29.12.2015).

Polyanskaya M. "Ya – pisatel' nezakonny...": zapiski i razmyshleniya o sud'be i tvorchestve Fridrikha Gorenshteyna ["I am a writer illegal ...": notes and reflections about the fate and work of Friedrich Gorenstein]. New York, Slovo/Word, 2003, 246 p. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/POLYANSKAYA_Mina/_Polyanskaya_M..html (accessed 29.12.2015).